

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

о диссертационной работе Павла Валентиновича Островского
«Развитие богослужебного славения
преподобного Александра Свирского с XVI по XVIII вв.»,
представленной на соискание ученой степени кандидата теологии
по специальности 5.11.3. Практическая теология
(по исследовательскому направлению: православие)

Диссертация П. В. Островского «Развитие богослужебного славения преподобного Александра Свирского с XVI по XVIII вв.» посвящена весьма актуальной теме: изучение богослужебных текстов с учетом их рукописной традиции выходит в последнее время на первый план. Гимнографические сочинения, посвященные преподобному Александру Свирскому, были изучены явно недостаточно, поэтому работа П. В. Островского оказалась весьма своевременной. Она если и не закрывает все возникающие по поводу исследуемых текстов вопросы, то серьезно расширяет наши знания о них и выводит изучение почитания Александра Свирского на совершенно новый уровень.

Диссертация П. В. Островского является не просто актуальным исследованием, но и обладает высокой степени новизной, которая обусловлена, с одной стороны, обширным рукописным материалом, часть которого впервые вводится в научный оборот; с другой стороны, методологией, применяемой к анализу этого материала.

Специфика исследовательского подхода отражена диссертантом во введении к своей работе, которое отличается полнотой и разумностью: степень изученности проблемы представлена всесторонне, методология обоснована, цели и задачи исследования четко сформулированы, материал охарактеризован. По поводу последнего хотелось бы сделать два замечания.

Материалом для исследования послужили 70 списков Службы на преставление Александра Свирского, 33 списка Похвального слова

преподобному и один список Службы на перенесение его мощей из архивохранилищ Москвы (ГИМ, РГАДА, РГБ), Санкт-Петербурга (БАН, РНБ), Ярославля (ЯГМЗ) и Великого Новгорода (НГМ), не говоря уже о списках целого ряда других сочинений средневековой традиции, привлекаемых в процессе исследования. Материал этот весьма обширен, но тем не менее П. В. Островский был вынужден сделать оговорку: «Несомненно, списков Службы на преставление сохранилось больше, однако для диссертационного исследования данного количества достаточно, чтобы определить дифференциальные признаки редакций и видов памятника. На основе выявленных признаков при дальнейшем исследовании возможно соотносить другие списки текстов с полученной классификацией» (Диссертация. С. 12). Для того, чтобы соотносить новые списки с готовой классификацией, этого действительно достаточно. Но ведь новые списки могут и перевернуть эту классификацию. Диссертант сам показывает, что происходило со взглядами на историю текста Службы на преставление Александра Свирского по мере расширения привлекаемого материала: от Ф. Г. Спасского, работавшего только с печатными Минеями, к А. К. Клементьеву, располагавшему 31 списком памятника, и далее к самому П. В. Островскому, опрокинувшему выводы своих предшественников. С одной стороны, материал, вроде бы, и достаточно полон, но, с другой стороны, немного досадно, что остались в стороне такие интересные рукописные коллекции, как коллекция В. Н. Перетца в Древлехранилище Пушкинского Дома или коллекция Н. П. Лихачева в Архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН, а самое главное – собрание Синода в Российском государственном историческом архиве.

Второе замечание касается привлечения к исследованию старообрядческих сочинений, которое представляется оправданным и продуктивным. Однако определение этих авторов не кажется корректным. П. В. Островский пишет: «Привлечение в диссертации упомянутых сочинений выговских старообрядцев необходимо, чтобы показать, какие

темы из памятников предшествующей традиции получили развитие в старообрядческой среде, хотя к развитию изучаемого православного славения прп. Александра эти тексты, конечно, не имеют отношения» (Диссертация. С. 11). Этот тезис сформулирован так, как если бы старообрядческая церковь не была православной. А на с. 136 П. В. Островский книжников-старообрядцев напрямую называет «неправославными авторами». Но спишем это на неудачную формулировку. Вопрос заключается в том, было ли какое-то взаимодействие между старообрядческой литературной традицией и литературной традицией, существовавшей в рамках официальной церкви. Как показывают исследования последних лет, в частности Е. М. Юхименко и Ф. В. Панченко, старообрядцы были очень чувствительны к новым веяниям, как в литературной сфере, так и в области орнаментики и книжной миниатюры. Наличие «Розыска о брынской вере» не мешало им обращаться к «Книге житий святых» Димитрия Ростовского и использовать тексты оттуда в своих сочинениях. На своем материале П. В. Островский показывает, что обратного движения не было, нестарообрядческие авторы не обращались к агиографическим, гомилетическим и гимнографическим сочинениям староверов. Важно задаться вопросом, чем это было вызвано. Локальной замкнутостью старообрядческой традиции? Религиозными разногласиями? Соображениями литературного характера?

Первая глава диссертации «Историко-литературный контекст богослужебного славения прп. Александра Свирского» имеет обзорный характер. П. В. Островский кратко излагает биографию преподобного Александра, опираясь, в первую очередь, на его Житие (раздел «1.1. Прп. Александр Свирский и его время»), и последовательно рассматривает памятники, ему посвященные: Житие, иконы и храмы (раздел «1.2.1. Начало почитания и создание Жития»). Таким образом богослужебные сочинения (раздел «1.2.2. Богослужебные литературные памятники») оказываются вписанными в общий процесс становления культа Александра Свирского.

В данном случае, приходится отметить две странности, которые, наверное, приходится назвать странностями структурирования. Об иконах Александра Свирского и храмах, в которых был престол, освященный в честь преподобного Александра, идет речь в разделе «Литературные памятники в честь прп. Александра Свирского» (раздел 1.2). Создание иконы и освящение престола является чрезвычайно важной вехой в становлении культа святого. А с точки зрения А. Г. Мельника, с которой можно поспорить, иконы и храмы – более значимые маркеры почитания святого, нежели письменные памятники. П. В. Островский вовсе не обязан высказываться по этому поводу, хотя было бы интересно узнать его мнение на этот счет. В любом случае, ни иконы, ни храмы не являются памятниками литературными. Возможно, чтобы избежать этой неловкости, достаточно было бы убрать из названия раздела 1.2 слово «литературные».

Другая странность видится в том месте, которое занимает раздел «Богослужебные литературные памятники» в структуре диссертации, поскольку в нем, по большей части уже учтены те выводы, к которым автор диссертации еще только придет в главах 2-4. Представляется более логичным сначала датировать богослужебные произведения, показать историю их текста, а потом уже, по результатам исследования, вставлять их в общую историю почитания святого.

Вторая глава диссертации «Служба на преставление прп. Александра Свирского» представляется наиболее интересной и чрезвычайно важной не только для изучения гимнографических сочинений, посвященных преподобному Александру, но и для развития методологии текстологического исследования богослужебных текстов.

Безусловно, текстология богослужебных памятников имеет свою специфику. И П. В. Островский абсолютно прав, связывая развитие Службы на преставление преподобного Александра Свирского с богослужебным уставом. Справедливым представляется разделение редакций на уставные и литературные. Удачной находкой кажется термин «подредакция»,

примененный к сокращенному варианту бденной Службы. Если опираться исключительно на устав, то текстологическая схема, предложенная П. В. Островским, выглядит вполне убедительно. Однако опоры на устав в данном случае недостаточно.

Дело в том, что текстологический анализ проведен диссертантом независимо от анализа источников, хотя эти источники выявлены и задействованы в решении вопроса об авторе Службы. Говоря о методологической опоре на «Текстологию» Д. С. Лихачева, диссертант оставляет без внимания принципиальный раздел этой книги, который называется «Изучение текста во взаимодействии с другими произведениями» (Лихачев Д. С., при участии А. А. Алексеева и А. Г. Боброва. Текстология: на материале русской литературы X-XVII веков. Изд. 3-е, перераб. и доп. СПб., 2001. С. 258-272), в котором идет речь о том, что «произведения Древней Руси нельзя изучать изолированно от произведений предшествующих, одновременных и последующих», и это касается в первую очередь текстологического анализа. С одной стороны, учет источников в процессе установления истории текста произведения «позволяет уточнить датировку создания произведения», указывая исследователю «terminus a quo». С другой стороны, объем и точность воспроизведения источника являются одними из главных текстологических маркеров при выяснении иерархии редакций, вариантов и отдельных списков. Таким образом, текстологическая схема, предложенная П. В. Островским, может быть принята только в том случае, если она будет подтверждена соответствующим анализом источников.

С проблемой источников и истории текста Службы связан и вопрос о ложном акростихе, указанном перед каноном в ряде списков Службы. П. В. Островский замечает, что «акростих не прочитывается в тропарях канона» (Диссертация. С. 38). В связи с этим возникает ряд вопросов, имеющих отношение к истории текста Службы. Указание на «краегранесие» присутствует не во всех ее списках. Как соотносятся списки с указанием на акростих со списками без оногo? Принадлежит ли это указание

первоначальному тексту Службы? Если да, то нельзя ли предположить, что в архетипическом тексте акrostих читался, а впоследствии был испорчен? То есть, в привлеченных к исследованию списках акrostиха нет, а обнаруживаются ли в них его следы? Если таких следов нет, и текста с реальным акrostихом не существовало, то откуда взялось указание на «краегранесие»? Что в данном случае послужило образцом для того, кто вставил это указание в заголовок канона? Бил ли это автор или редактор Службы?

Что касается решения вопроса об одном или двух авторах службы, то, безусловно, в этом случае следует встать на точку зрения П. В. Островского, который аргументированно опроверг мнение Ф. Г. Спасского о двухэтапном создании Службы Александру Свирскому двумя разными людьми. Именно выявленные источники позволили диссертанту сделать справедливое заключение об одном авторе всего текста. Отдельно следует отметить раздел «2.2.2. Способы построения текста», в котором досконально и тонко описана авторская работа с заимствованным текстом.

Третья глава диссертации «Похвальное слово в честь прп. Александра Свирского» в части своих выводов не вызывает возражений. То же самое касается и отбора материала, который основывается на фундаментальном исследовании А. Е. Соболевой. Дискуссионным является сам факт привлечения Похвального слова к данному исследованию. Во введении П. В. Островский постулировал: «Возможность включить Похвальное слово в ряд текстов, отражающих богослужебное славение святого, дает особенность их употребления, так как подобные панегирические слова предназначались для чтения в церкви» (Диссертация. С. 11). Но откуда следует, что в церкви оно читалось отдельно от Жития? В собрании рукописей Соловецкого монастыря мне удалось найти несколько уставов, вероятно, они были новгородскими по происхождению, в которых регламентировалось чтение Жития Варлаама Хутынского. Устав предполагал, что Житие должно быть прочитано в четыре приема: во время

церковной службы, во время двух трапез, а то, что не успели прочитать соборно, должно быть дочитано в келье после вечерни. То есть, речь идет о значительном по размеру тексте, полном Житии, в конце которого находится Похвальное слово. Таким образом, чтение Похвального слова приходилось на последний этап вычитки текста, скорее всего, келейный. Апелляция к исследованию Т. В. Черторицкой, посвященному древнерусским Торжественникам тоже требует некоторых уточнений. В первую очередь следует уточнить, что речь должна идти о Минейном торжественнике, поскольку памяти святых относятся к числу минейных праздников. И в этом случае следует задать вопрос, похвальные слова святым присутствуют в этом сборнике вместе с житиями или независимо от них. И вообще, насколько распространена традиция самостоятельного бытования похвального слова святому? Боюсь, статистика будет такова, что похвальное слово святому в подавляющем большинстве случаев придется признать неотъемлемой частью житийного памятника. Следовательно, и его текстологический анализ должен проводиться вместе с анализом Жития.

Это подтверждают и наблюдения П. В. Островского, согласно которым две разные редакции Похвального слова сопровождают две разные редакции Жития, таким образом, можно предположить, что редактирование Похвального слова происходило одновременно с редактированием Жития, что еще раз говорит нам о невозможности разрывать два этих текста и рассматривать их независимо друг от друга. Точно так же, как в отношении Службы на преставление преподобного Александра П. В. Островский на основании единства источников делает вывод о единовременном создании всей Службы одним автором, он должен был бы поставить вопрос о совпадении / несовпадении источников Жития Александра Свирского и Похвального слова ему и вопрос о возможности создания Похвального слова автором Минейной редакции Жития. Утверждая, что у пяти списков Ранней редакции Похвального слова есть общий протограф, автор диссертации должен был бы поставить вопрос, а как ведет себя текст Жития в этих пяти

списках. Мы вправе ожидать, что редакторы относились к Житию и Похвальному слову как единому тексту, и наблюдать тот же характер правки или того же порядка ошибки в основном тексте Жития, что и в Похвальном слове.

Глава 4 «Служба на перенесение мощей прп. Александра Свирского» посвящена анализу текста, сохранившегося (или известного нам) в единственном списке, поэтому текстологу трудно «прицепиться» к ее содержанию. Могу лишь добавить, что материал, представленный П. В. Островским, позволяет говорить о создании после обретения и перенесения мощей преподобного Александра Агиографического цикла, аналогичного, например, циклам, посвященным князю Всеволоду-Гавриилу или благоверной княгине-инокине Анне Кашинской. И опять же, если говорить о святых, на перенесение мощей которых были созданы отдельные службы, то и здесь, пожалуй, следовало бы вспомнить Анну Кашинскую, перенесение мощей которой произошло в середине XVII в., то есть сопоставимо по времени с перенесением мощей Александра Свирского.

Умный и тонкий анализ отличает главу 5 «Богословское содержание произведений в честь прп. Александра Свирского». Хочу лишь порекомендовать диссертанту две статьи О. В. Панченко, которые могут расширить возможности анализа агиографического и гимнографического текста в сопоставлении с его образцами: 1) Поэтика уподоблений в древнерусской агиографии, эпидейктике и гимнографии // *Festschrift für Alexander Gavrilov: Teil 2. Petropoli, 2003. S. 181-190*; 2) Поэтика уподоблений (к вопросу о «типологическом» методе в древнерусской агиографии, эпидейктике и гимнографии) // *Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2003. Т. 54. С. 491-534*.

Диссертацию П. В. Островского сопровождает обширный список литературы, структурирование которого вызывает некоторые возражения. Он состоит из четырех частей: «Списки Службы на преставление прп. Александра Свирского», «Рукописные источники», «Печатные источники» и

«Литература». Объединение этих четырех разделов под одним заголовком совершенно некорректно: первые три, а в особенности первые два, никак нельзя отнести к «литературе» (т. е. к исследовательской литературе). Первый раздел, также как и второй, относится к разряду рукописных источников. Если требуется их разделение, то второй раздел следует в таком случае назвать, например, «Другие рукописные источники».

Два приложения, которые завершают текст диссертации, представляются вполне уместными и способствующими восприятию идей и выводов диссертанта.

Некоторую досаду вызывает обилие опечаток и каких-то нелепых ошибок в исследовательском тексте. Не буду их перечислять; в конце концов, пропуск буквы или ошибка в падежном окончании не столь фатальны для понимания текста. Однако в тексте диссертации есть несколько предложений, в которых что-то такое произошло, и в результате их понимание допускает варианты. Приведу пару примеров. «Из анализа источников и способов построения песнопений видно стремление гимнографа подражать службам в честь прп. Варлаама Хутынского и прп. Сергия Радонежского, тропари которых начинаются с “Иже”. Скорее всего, автор просто уподобляется им» (Диссертация. С. 67). Автор уподобляется? Или все же уподобляет своего героя? Или имеется в виду что-то другое? Или: «Влияние текстов тропаря и кондака “новообрядческой” редакции в Псалтири 1658 г. на рукописную традицию, чего не обнаруживается» (Диссертация. С. 68). В этом предложении явно что-то лишнее, или чего-то не хватает.

Если не считать замечаний, касающихся некоторой невычитанности текста диссертации и оформления списка источников и литературы, все остальные имеют отношение к научной полемике и являются свидетельством того, что диссертационное сочинение П. В. Островского не является проходной работой, а заслуживает к себе пристального внимания и серьезного отношения. На данном этапе это вполне законченная работа, как

того требует жанр диссертации, но она имеет перспективы развития; ее идеи могут быть значительно развиты, в частности, на этапе превращения диссертации в монографию.

Работа эта получила соответствующую апробацию в ряде научных докладов и должном количестве статей в изданиях, рекомендованных ВАК РФ для публикации материалов и выводов кандидатских диссертаций.

Работа Павла Валентиновича Островского «Развитие богослужебного славения преподобного Александра Свирского с XVI по XVIII вв.», представленная на соискание ученой степени кандидата теологии по специальности 5.11.3. Практическая теология (по исследовательскому направлению: православие), соответствует всем требованиям пп. 9-14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства РФ № 842 от 24.09.2013 (в действующей редакции), предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук, а ее автор, Павел Валентинович Островский, достоин присуждения ученой степени кандидата теологии по специальности 5.11.3. Практическая теология (по исследовательскому направлению: православие).

Доктор филологических наук.
главный научный сотрудник
ФГБУН Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН

Семячко Светлана Алексеевна

20.08.2025

Федеральное государственное учреждение науки
Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук
Адрес: 119034, Россия, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4.
Телефон: +7 (812) 328-19-01
Сайт: <https://pushkinskiydom.ru/>
Адрес электронной почты: irliran@mail.ru

